

ОБРАЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. М. Масленникова

Тверской государственной университет
кафедра английского языка

В качестве психологических детерминант межэтнических отношений топонимы и этнонимы указывают на усиливающиеся процессы идентификации и дистанцирования в рамках оппозиции МЫ ↔ ОНИ как СВОЁ ↔ ЧУЖОЕ. В статье рассматриваются случаи образной организации русского пространства. Этнонимы служат специфическому описанию русского пространства и участвуют в качестве пространственных ориентиров.

Ключевые слова: образ мира, картина мира, лингвокультура, этнические стереотипы, идентичность, культурная идентичность, топоним, этноним

Идентификация и самоидентификация через тексты СМИ закрепляет набор приписываемых оценок. Понимание ДРУГИХ осуществляется через осознание тех представлений, стереотипов, ценностей, ролевых позиций, образов-эталонов, которые свойственны обыденному житейскому сознанию. Отношения между Я и ДРУГИМ складываются противоречиво: обычно идёт сопоставление качеств своего Я с качествами ДРУГОГО или даётся оценка ДРУГОМУ с позиции собственного идеала.

Е. Ф. Тарасов [5] подчёркивает, что, несмотря на то, что понятие «образ мира» является в определённой степени аналогом понятия «картина мира», оба понятия необходимо разграничивать, т.к. они имеют разный познавательный статус. Понятие «образ мира» может быть построено и описано, исходя из общепсихологической теории деятельности. Если образ мира – «пятое психологическое измерение мира и, следовательно, это создание личности», то для процесса формирования образа мира личности детерминантами будут «воспринимаемый объект и субъект восприятия, помещённый в открытый для субъекта реальный мир, уже освоенный субъектом и служащий для него системой ориентиров» [5, с. 9].

Топология и координаты Мира становятся, по меньшей мере, двуслойными. Из-под географической «привязки» места на карте на первый план выходит переориентация на те реакции, которые вызывает тот или иной географический стимул. Например, разделение западного англоязычного мира на *Old World* и *New World* раскололо жителей Запада на *Euro-pean* и *Anglo-Saxon*, за которыми стоят различные культурно-этнические стереотипы. Если в большинстве случаев проявление политкорректности в англоязычных СМИ связано с необходимостью избежать упоминания о цвете кожи, то в России осталось разделение на «белых» и «чёрных», т.е. формально не по цвету кожи, а на две противопоставленные и враждующие

щие между собой группы – на СВОИХ и ДРУГИХ.

Why the Brits are dominating the hot new market in 'reality' shows (Newsweek. – 2001. – 7 мая.) ↔ *А пока показываю стриптиз для чайнистов – для китайцев и японцев всяких. Сначала танцуют все жёлтенькие девочки, а потом выхожу я. Я там диктую цены. Раньше не знала, что могу диктовать, но потом мне объяснили, что я всё-таки белая* (Комсомольская правда. – 2000. – 7 декабря); *Some Arab-American soldiers can't help but feel conflicted* (Newsweek. – 2001. – 15 октября); *A diligent Korean-American adolescent took notes* (Newsweek. – 2001. – 30 апреля).

Для россиян цвет кожи связан, в основном с непрестижной или тяжёлой физической работой.

А когда началась перестройка, то, как все, пошёл зарабатывать деньги. Я был и портным в кооперативе, и на кладбище работал «негром» – месил растворчики и так далее (Комсомольская правда. – 2004. – 14 сентября) → *Пусть негры бесплатно работают, – сказали деду Григорию. – А мы – адью, сматываем удочки!* (Комсомольская правда. – 2002. – 19 ноября); → *Негр – это аббревиатура, которую изобрели русские граждане Латвии и Эстонии после того, как им не дали гражданства. Негражданин – НеГр.* (Комсомольская правда. – 2004. – 4 марта).

Русскоязычные СМИ, напротив вольно или невольно усиливают враждебность не только по отношению к «чужим», но и к «своим», которые могут отличаться по каким-либо признакам или параметрам от большинства населения, проживающего на данной территории.

Сформировавшиеся в обществе на определённом этапе его развития этнические стереотипы находят своё отражение в языке. ЧУЖИМ как лицам другой национальности даются пренебрежительные прозвища.

Честные глаза, честные слова: что ненавидят «чёрных», что смотреть на них противно: у них грязные руки, они разносили заразу. (Комсомольская правда. – 2004. – 12 августа); ср.: ... и вообще – «кавказец гоу хоум». (Комсомольская правда. – 2002. – 26 октября); *Гораздо хуже то, что нелегальные гастарбайтеры и прочие выходцы из бывших республик Средней Азии или, как их ещё называют у нас иногда в народе «урюки», не всегда платят добром за наше гостеприимство, чувствуя себя в гостях хозяевами.* (Тверское время. – 2004. – 4–10 августа).

Данные процессы приводят к установлению интергруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности. В языковой картине мира оппозиция Я / МЫ / СВОИ ↔ ОН / ОНИ / ЧУЖИЕ чётко проявляется через этнонимы, которые приобретают дополнительные коннотативные смыслы. Как часть этнокультуры, этнонимы позволяют самоидентифицироваться относительно той или иной общности. Например, русские имеют тенденцию относиться пренебрежительно не только к жителям других стран, но и к жителям российской глубинки.

И если в первых дни наших легко было вычислить по бледной коже, то к концу группового турнира пригоревшие россияне почти не отличались от аборигенов (Комсомольская правда. – 2004. – 23 июня); *В нескольких*

километрах от резиденции Абрамовича расположилась деревушка Рогейт. Прежний владелец Файнинг Хилла Пеккер частенько заходил в местный паб выпить «Гиннеса». Здешние аборигены полагали, что и русский миллионер будет столь же демократичен (Комсомольская правда. – 2004. – 5 ноября) ↔ *Наш городской сосед постоянно оскорбляет меня, деревенского жителя, похабным словом «абориген» и гнусно смеётся при этом* (Комсомольская правда. – 2002. – 13 февраля).

Для именованя «своих» жителей представители власти могут использовать слово «папуасы». В этом случае визуализация признаков сопровождается разной степенью детализации образа.

На днях мне в моей пресс-службе посоветовали избавиться свой лексикон от слова «папуасы». Мол, «граждане обижаются». Пожалуй, я действительно перестану употреблять это словечко. Но не потому, что боюсь обидеть людей, довольных жизнью в грязи и зловонии. А из тех соображений, что жители Папуа – Новой Гвинеи ничем не заслужили сравнения с такими гражданами... Проблема мусора на улицах – это не показатель плохой работы коммунальщиков, а зловонная лакмусовая бумажка нашего совкового менталитета, при котором человек привык полагаться только на власть и привык считать, что раз она власть, значит, обязана всё сделать за него (Комсомольская правда. – 2010. – 20 марта; из блога мэра Сочи Анатолия Пахомова glavasochi); Ср.: *It need not puzzle us that Malay and Papuan, Celt and Roman, Saxon and Tartar, should mix, when we see the rudiments of tiger and baboon in our human form, and know that the barriers of races are not so firm, but that some spray sprinkles us from the antediluvian seas* (R. Emerson. English Traits. Chapter I. Race. 1865).

Интересно проследить в данном отношении особенности организации «своего» пространства, выстраиваемого по принципу центр ↔ периферия, поскольку в этом случае преобладают отрицательные оценки при выделении центра и определении границ собственно периферии.

Топонимы служат идентификаторами «своего» пространства, а как сложившаяся система косвенных номинаций они выступают как своего рода маркеры групповой идентичности. Этническая враждебность складывается под влиянием имеющихся у наблюдателя предубеждений в его оценках относительно пространственных ориентиров. Перемещение в «ближнее» пространство часто сопровождается проявлением аутогрупповой враждебности. При этом устанавливаются ассоциации между топонимом и поведенческими характеристиками жителей, типами их деятельности и даже их внешностью. Карикатурное переосмысление действительности также формирует общие негативные впечатления и стереотипы.

Преобладающая идея закрытости пространства связана с наличием нефизических препятствий и с определёнными социальными запретами, осознаваемыми самим наблюдателем.

Для русского самосознания характерно восприятие пространственного образа *России* с выделением внутри него ряда координат, за которыми закрепляются определённые характеристики и параметры [2].

На первый план выходит не столько различие по степени удалённости от центра, сколько различие между диаметрально противоположенными мирами как «центр (Москва) ↔ периферия». Москва выбирается как центральная точка отсчёта относительно русского «наивного» пространства. Разделение на СВОИХ и ЧУЖИХ по географическому принципу чётко маркирует начавшееся противопоставление Москвы и остальной части страны, для которой Москва становится чем-то враждебным. Идею противопоставленности двух пространств проиллюстрируем примером.

Я бы снизил зарплату всем генералам «Арбатского округа» и посмотрел бы, как они будут ближе к народу (Комсомольская правда. – 2009. – 3 марта).

В становлении этнической напряжённости сыграли свою роль установившиеся отношения между центром и периферией.

Анекдот: Роснанотех, проводя в Москве эксперименты в области нанотехнологий, добилось потрясающих успехов: в одной квартире удалось прописать более 1000 человек (Комсомольская правда. – 2009. – 24 декабря).

В результате расшатывания «своего» пространства и изменения его границ возникает боязнь вторгнувшихся в него «чужих».

Анекдот: – Сегодня вы увидите специальный репортаж о русской диаспоре в городе Москве... (Комсомольская правда. – 2009. – 23 сентября).

Отметим, что топоним Москва имеет особый культурный фон. С одной стороны, это столица страны, т.е. её центр, а, с другой стороны, в обыденном сознании Москва противопоставляется остальному пространству.

Следует отметить, для наивной географии величина расстояния между объектами является относительной. К числу данных характеристик можно отнести размер ориентируемых объектов и характер относительно оценки расстояния.

В качестве пространственного ориентира выступают как объекты реальной действительности, так и вымышленные топонимы, носящие ярко выраженную негативную окраску. Специфическими являются случаи наложения реального физического пространства на «наивное». Так, в реальном мире район *Текстильщики* – это часть *Москвы*, но ему приписывается параметр *далеко*.

В ту ночь, несмотря на пропитанный шампанским мозг, у нас хватило ума на яхту не пойти, хотя Рик и клялся, что мы только потанцуем на палубе и он доведёт нас до гостиницы. Конечно, ничто страшного не произойдёт, всё же Канны, а не московский гарлем Текстильщики... (Комсомольская правда. – 2008. – 4 декабря).

Характеристики, приписываемые определённой координате Мира, отражают некоторые аспекты внутреннего состояния наблюдателя. Стереотипизированные образы накладываются на восприятие «своей» действительности через «их» негативную действительность, которой пугают СВОИХ. Из *Гарлема* логически вытекают царящие в нём социальные про-

цессы.

Кстати, дом, подъезд и двор, где обитает Решетняк, – чистенькие, ухоженные, отнюдь не напоминают Гарлем – социальный рассадник молодёжного экстремизма. Дворовые ребята и девчонки – вполне вменяемые... (Комсомольская правда. – 2002. – 14 июня).

В качестве пространственного ориентира выступают как объекты реальной действительности, так и вымышленные топонимы, носящие ярко выраженную негативную окраску. Многие словосочетания с топонимом в их составе приобрели в современном русском языке разряд устойчивых: *Ты что, Чукотка?* и др. При этом возможно совмещение в одном слове одновременно нескольких смысловых пластов. Отсылка к подобным топонимам сопровождается, как правило, нежелательными последствиями для наблюдателя, организующего «своё» пространство. Синонимы типа реального *Урюпинска* или *Мухосранска* из анекдотов также имеют смысловоразличительные признаки. Они описывают как удалённость от центра, так и указывают на отношение говорящего к объекту.

Анекдот: Дети из деревни Нижние Забубеничи прекрасно знали, что сопьются в родном колхозе, но на всякий случай мечтали стать космонавтами... (Комсомольская правда. – 2008. – 23 сентября).

Да кто тебе этой ерунды наговорил? Артисты-юмористы, которые нас по телевизору Мухосранском и Усть-Пердьюйском обзывают? Я говорю: не пьёт деревня, не пьёт! Так и напиши у себя в газете! У нас алкашей столько же, сколько у вас в городе. Ни больше, ни меньше (Комсомольская правда. – 2009. – 13 февраля).

Тенденция судить о «других» на основе их принадлежности к группе и месте их проживания приводит к перераспределению реального физического пространства. Так, статья под заголовком «Нет денег на Москву и Питер – вложи в Урюпинск» советует читателям покупать квартиры в других городах, поскольку «...столичное жильё даже с учётом падения цен и скидок в 20–30% без ипотеки по карману разве что олигархам» (Комсомольская правда. – 2009. – 12 марта). Комически-абсурдное переосмысление реальных топонимов типа мифологизированного города *Урюпинска* ставит под сомнение существующие ценности. Так, у каждого социального класса образовалось собственное обжитое пространство, закрытое для «чужих».

Парламентариям в удостоверения вставили микрочипы. Так что можно проследить движение слуг народа как в Думе, так, вероятно, и за её пределами. Депутаты этим возмущены. Понятно: теперь иши вместо поездки к избирателям в Урюпинск тихо слиняешь куда-нибудь в Куршевель! (Комсомольская правда. – 2004. – 30 января).

Частота наблюдаемых контекстов позволяет сделать вывод о том, что отрицательные коннотации оказываются достаточно сильными. Прослеживается высокая употребительность структур типа *Ухрюпинск*, используемых в качестве собирательного образа «провинция». Они описывают удалённость говорящего от центра и указывают на его отношение к именуемому объекту.

Тенденция к подобному словотворчеству прослеживается в художественной литературе: в романах Д. Донцовой встречаются такие названия, как *Дерьмовск, Засранск, Сухонавозинск, Урыльск, Хрюкинск* и др. Подобные названия объединены стремлением их авторов к наглядности и экспрессивности. Употребительность структур типа *Урюпинск, Ухрюпинск, Мухосранск* и т.д. описывают как удалённость от центра, так и указывают на отношение говорящего к объекту. В качестве словообразовательных элементов используется табуированная и низкоокрашенная лексика, имеющая негативные коннотации, что в свою очередь указывает на внутреннее состояние субъекта.

Образной организации русского пространства способствуют различные авторские новообразования вымышленных городов и населённых пунктов. Подобные названия имеют сильный эмоциональный ореол и одновременно формируют негативное представление о стране и её жителях в целом. Вымышленные топонимы отражают относительно нечёткое положение наблюдателя, имеющего расплывчатое представление о реальных параметрах пространства.

Анекдот: *Обвини местную ухрюпинскую власть в сращивании с мафией, Сидор Дрюкин потребовал от милиции защитить его как свидетеля – изменить ему внешний вид так, чтобы никто его не узнал. Сержанты, посоветовавшись с начальством, пообещали. И действительно, когда Сидор покинул дежурку, его и точно даже мама родная не узнала!* (Комсомольская правда. – 2009. – 15 декабря).

В качестве психологических детерминант межэтнических отношений топонимы и этнонимы указывают на усиливающиеся процессы идентификации и дистанцирования в рамках оппозиции МЫ ↔ ОНИ как СВОЁ ↔ ЧУЖОЕ.

Как показывает анализ русскоязычных СМИ, Россия видится её жителями разделённой по географическому принципу. Прослеживается чёткое деление страны на собственно *Россию* и стоящую особняком *Москву*.

Обе части страны настроены враждебно. *Москва* как пространство изначально чужое и чуждое по отношению к остальной стране предстаёт патологизированным образом. Наблюдается жёсткое отношение к «чужим» и их дискриминация.

Упрощён порядок пребывания в Москве иногородних россиян. Теперь будет достаточно обычного загранпаспорта (Комсомольская правда. – 2005. – 11 июня); *Похоже, скоро на жителей столицы здесь (во Ржеве. – Е. М.) начнут смотреть как на врагов народа* (Комсомольская правда. – 2007. – 15 июня).

«Искавление» реального пространства за счёт создания негативно окрашенных топонимов и их активное использование в печатных и электронных СМИ рано или поздно приведёт к усилению этнорелигиозного терроризма [4].

Взаимная ненависть вполне объяснима. Но что плохого мы – русские, москвичи, россияне – вот что плохого мы сделали аварцам? В чём провинились, чем их так огорчили сильно? (Комсомольская правда. –

2010.– 7 апреля).

Усиливая национальную и региональную идентичность и порождая различные комплексы, пространственные границы жёстко регламентируют неписанный кодекс поведения для соответствующего социума.

Искажение образа реального физического мира, происходящее в наивной географии, приводит к разрушению его целостного облика. В случаях подобного использования реального топонима резко усиливается ассоциативное приращение смысла.

В Тюменской области, где бригада тянула нефтепровод, ему пообещали 45 тысяч рублей. – Сделаем операцию, выйдем кредит, в Турцию съездим как люди – ты же хотела! – обещал он жене (Комсомольская правда. – 2009. – 11 февраля).

В русскоязычных СМИ обыгрывание отрицательных коннотаций в вымышленных топонимах привело к расширению подобных рядов, фиксирующих пространственные признаки концепта РОССИЯ, среди которых основными будут такие признаки, как 'ограниченность' и 'безграничность'. Кроме этого, для облика пространства РОССИЯ существенными оказываются: отсутствие границ, большая протяжённость пространства, а для внутренних ориентиров: удалённость от центра, полная или частичная закрытость их от центра, полная или частичная невозможность перемещения в центр из периферии [3].

Актуализация реальных и вымышленных топонимов относительно объектов реальной действительности, отражает зыбкость пространства, ощущаемого членами социума как «своё». Подобные топонимы уточняют положение наблюдателя и/или уже случившееся его перемещение в реальном пространстве.

Список литературы

1. Масленникова, Е. М. Национальное и универсальное в описании пространств (предварительные наброски) [Текст] / Е. М. Масленникова // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2005. – № 1 (7). – Сер. «Филология». – Вып. 2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 165–173.
2. Масленникова, Е. М. Пространственный образ России: свои и чужие [Текст] / Е. М. Масленникова // Жизнь языка в культуре и социуме : мат-лы науч. конф., посвящённой 75-летию доктора филол. наук, профессора Е. Ф. Тарасова ; 14–15 апреля 2010 г. / Российский ун-т дружбы народов. – М. : ИЯ РАН, РУДН, 2010. – С. 175–177.
3. Масленникова, Е. М. Специфика функционирования топонимов в концептуализации мира [Текст] / Е. М. Масленникова // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов ; 29 сентября – 1 октября 2010 г. / отв. ред. проф. Н. Н. Болдырев ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2010. – С. 326–328.
4. Природа этнорелигиозного терроризма [Текст] / под ред. Ю. М. Антоняна. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 365 с.
5. Тарасов, Е. Ф. Образ мира [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 8. – С. 6–10.

THE EMPLOYING IMAGES OF THE RUSSIAN UNIVERSE

E. M. Maslennikova

Tver State University
English Language Department

The article deals with the concept RUSSIA with reference to the notion of employing images covering this concept. Proper names are described as special means of forming the concept RUSSIA.

Key words: *concepts, linguaculture, ethnic stereotypes, cultural identity, proper names*

Об авторах:

МАСЛЕННИКОВА Евгения Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e-maslennikova@inbox.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.